

20 лет спустя. Итоги

Двадцать лет, прошедшие с момента распада СССР, каждое из постсоциалистических государств прожило по-своему. Представляется интересным подвести итоги сложных трансформационных процессов, происходивших на постсоветском пространстве.

Прежде всего очень важно отметить, что стартовые позиции государств на момент формального начала в них переходного периода характеризовались существенными различиями. В одних трансформация началась только после распада Советского Союза, в других подспудно вызревала на протяжении нескольких лет или даже десятилетий до этого события, что предопределило их лидерство с точки зрения темпов реализации реформ.

Основные различия между странами и, соответственно, преимуществ одних перед другими складывались из базового уровня экономического развития, степени внедрения рыночных механизмов и готовности хозяйствующих субъектов использовать их, характера общественного сознания и готовности к переходу к демократическим формам управления государством. Немалое значение имели также исторически сложившиеся традиции хозяйствования и трудовой этики, национально-культурная ориентация, сбалансированность национальной экономики, наличие или отсутствие межэтнических и межрегиональных конфликтов.

Исходя из этих критериев, наиболее выгодными для успешной и скорейшей трансформа-

ции были стартовые позиции стран Вышеградской группы. Здесь смена политического режима произошла наиболее гладко, а рыночные методы ведения хозяйства, по сути, составляли часть национального экономического механизма еще при социалистическом строе, поэтому полный переход к рынку не потребовал масштабной перестройки общественной психологии.

Не менее важным фактором было и то, что страны Западной Европы (а также их группировки в лице ОЭСР, ЕС, НАТО) весьма активно способствовали восстановлению прямых политических и экономических отношений со своими давними восточными партнерами по континенту, что выразилось в заметных объемах экономической помощи, инвестиций и политической поддержки, особенно на самых важных, начальных, этапах проведения реформ.

У государств, возникших на территории бывшего СССР, положение было гораздо сложнее. Рыночная экономика и плюралистическая демократия были для них явлениями по сути новыми, не имевшими исторических корней (в отличие от стран ЦВЕ) и потому требовавшими серьезной перестройки не только соответствующих механизмов государственного устройства, но и базовых принципов общественного сознания. Данное обстоятельство не только замедлило темпы проводимых в этих государствах преобразований, но и повлияло на методы их осуществления, которые в итоге привели к тому, что в странах СНГ появились весьма своеобразные модели рыночной экономики и демократии. По существу, реформы в этих странах так и не были доведены до своего логического завершения.

Важную роль в своеобразном течении реформ в государствах СНГ сыграло и то, что эти страны, по сути, возникали заново в результате распада СССР, в то время как

Герасимова Римма Германовна — аспирантка Института Европы РАН.

бывшие соцстраны Европы столь масштабных перемен и потрясений в рамках переходного периода не переживали. «Рождение заново» проявлялось не только в политике, где речь шла о национальном суверенитете и его атрибутах. Экономики бывших республик Советского Союза, ранее связанные в единый хозяйственный механизм, оказались разрозненными, неполноценными и зависимыми от политики своих ближайших соседей.

Наконец, страны СНГ получили в наследство целый комплекс неразрешенных межэтнических и межрегиональных проблем, многие из которых обернулись вооруженными конфликтами, нанеся серьезный удар по и без того ослабленной экономике и повлиявшими на ход и итоги политических и экономических преобразований. Но даже и без влияния этих факторов во многих странах Содружества сложились условия для сохранения ведущей роли государства в экономике и формирования модели управления страной, во главе которой находится формально избираемый, но по сути безальтернативный лидер.

При всей объективности отмеченных выше преимуществ стран ЦВЕ нельзя не отметить и то, что государства СНГ не использовали большую часть имевшихся у них возможностей для более эффективного проведения преобразований. Практически во всех исследуемых странах методы и скорость осуществления реформ зависели не только от вышеозначенных стартовых позиций, но и от личного выбора политических лидеров, степени их ориентации на западных партнеров и стремления сделать переход к демократии и рынку необратимым.

Подчас это стремление перевешивало здравый смысл в осуществлении экономических преобразований. В итоге едва ли не важнейшей особенностью переходного

периода в бывших соцстранах оказалась значительная роль политических факторов, которые, как показали результаты исследования, сначала прямо повлияли на темпы осуществления экономических реформ и их формальные результаты, а затем эхом отразились на устойчивости экономики в условиях глобального кризиса.

Реформирование в государствах СНГ крайне сложно отнести к какой-либо модели, поскольку преобразования здесь осуществлялись непоследовательно и крайне бессистемно.

Технически трансформация экономики в государствах ЦВЕ осуществлялась по двум основным моделям: радикальной и градуалистской. Первая была реализована в Польше и Чехии, вторая — в Венгрии. Основой наиболее популярной радикальной трансформационной модели была либерализация цен. В начале преобразований спуск «денежного навеса» в условиях жесткого эмиссионного контроля существенно увеличил рост цен, однако затем в сочетании с контролем над государственными расходами и снижением налогового бремени позволил добиться макроэкономической стабилизации.

Реализация градуалистской модели в Венгрии стала возможной благодаря проводившимся в стране с 1960-х годов реформам, подготовившим базу для преобразований 1990-х годов, которые по полноте и масштабам не уступали радикальным реформам в Польше и Чехии и строились вокруг введенного еще в 1968 г. нового экономического механизма. Создание правового поля и институциональной системы в самом начале переходного периода позволило в кратчайшие сроки провести либерализацию цен, импорта, заработной платы, а также ускорило приватизацию. Реформирование в государствах СНГ крайне сложно отнести к какой-либо модели,

поскольку преобразования здесь осуществлялись непоследовательно и крайне бессистемно.

Логичным следствием указанного факта является то, что страны ЦВЕ вышли из трансформационного кризиса гораздо раньше государств СНГ. Радикальные экономические реформы быстро вы-

вели взявшие их на вооружение страны из трансформационного спада — ВВП Польши стал расти уже в 1992 г., ВВП Чехии — в 1993 г. В этой же стране было отмечено наименее глубокое среди всех исследованных государств падение ВВП (максимальное падение от уровня 1989 г. составило 13,1% в 1992 г.). Градуалистская модель по эффективности уступила радикальной — ВВП Венгрии начал устойчиво расти лишь в 1994 г.

Вступление стран ЦВЕ в ЕС формально доказывает успешность преодоления ими трансформационного периода по направлениям либерализации и институционализации. Структурная перестройка в большинстве своем также завершена, однако в стремлении избавиться от пережитков прошлого эти государства в ряде случаев окунулись в другую крайность — чрезмерную открытость по отношению к иностранному капиталу.

С одной стороны, она позволила ускорить ход реформ, но с другой — проявила себя с негативной стороны в ходе кризиса 2008–2009 гг., в том числе в виде массового оттока капиталов за рубеж. Наиболее драматично это произошло в Венгрии, где особенности созданной в ходе переходного периода экономики (большая доля иностранного капитала) привели к острой реакции на кри-

зис — ВВП страны упал на 6,5%. ВВП Чехии по схожей причине снизился на 4,8%. Только в Польше долгое время сохранялись ограничения на доступ иностранного капитала, что в итоге и позволило стране перенести кризис легче соседней.

Переходный период в государствах СНГ проходил соответственно тяжелее и болезненнее, чем в странах ЦВЕ. Условно он может быть разделен на два

Кризис заставил задуматься, насколько небезопасно отдавать ключевые позиции в экономике страны иностранным инвесторам в обмен на повышение темпов роста ВВП.

этапа: в 1990-е годы продолжался трансформационный спад, в 2000-е годы экономика начала расти. Первой спад преодолела Беларусь в 1996 г. Наиболее глубоким трансформационный спад оказался на Украине: за переходный период ВВП в этой стране упал на 54% от уровня 1989 г. Столь беспрецедентным падением экономика страны обязана не только уже упоминавшейся непоследовательности в проведении реформ, но и несбалансированной структуре национальной экономики (вследствие распада СССР).

Еще одно отличие трансформации в странах СНГ от реформ в государствах ЦВЕ заключается в том, что последние взяли курс на скорейшую интеграцию в мировое экономическое пространство, прежде всего в ВТО и ЕС. Эта политика была благосклонно встречена зарубежными инвесторами: в год вступления стран ЦВЕ в ВТО (1995 г., в случае с Болгарией — 1996 г.) был зарегистрирован скачок в притоке ПИИ: в Болгарии — в 4,6 раза, в Венгрии — в 4,5, в Чехии — в 2,9, в Польше — в 1,9, в Румынии — в 1,2 раза.

В большинстве стран СНГ формально был провозглашен ана-

логичный курс, но на практике ситуация оказалась иной. Успехи государств СНГ в перестройке экономической структуры явно скромнее, чем у стран Вышеградской группы. Казахстан по истечении двадцати лет переходного периода создал, по сути, несвободную рыночную экономику азиатского типа. Беларусь и Украина, находящиеся между Европой и Россией, а также сама Россия, расположенная между Европой и Азией, оказались в своих

интеграционных устремлениях на перепутье. В итоге Беларусь, РФ и Казахстан взяли курс на создание единого экономического пространства и совместное ведение переговоров по вступлению в ВТО, а Украина, де-юре так и не став членом СНГ, вступила в ВТО в 2007 г. и до недавнего времени активно стремилась в НАТО.

Упомянутые выше различия в подходах к осуществлению перестройки явились причиной существенного разброса в экономическом развитии. К кризису 2008–2009 гг. государства подошли с разными экономическими успехами. Подушевой доход оказался наибольшим в Чехии (25 200 долл.) и Венгрии (19 600 долл.), а наименьшим на Украине (7015 долл.) и в Беларуси (10 700 долл.). Глобальный кризис 2008–2009 гг. сильно ударил по экономикам постсоциалистических государств. Больше других пострадали Украина (падение ВВП в 2009 г. составило 15%), Румыния (8%), РФ (7,9%) и Венгрия (6,5%). Столь сильное влияние кризиса обусловлено резким падением цен на экспортные товары, большим внешним долгом, проблемами в банковском секторе и рядом иных причин. В числе

других последствий кризиса — падение промышленного производства (в особенности обрабатывающего), рост безработицы. Примечательна разная направленность изменения цен — в ЦВЕ они уменьшались, а в странах СНГ росли, подтверждая высокую степень монополизации их экономик.

Проблемы, которые обнажил кризис, указывают на необходимость серьезной работы по минимизации последствий от будущих внешних шоков. Причем многие из этих проблем были приобретены уже в ходе преобразований. В частности, обращает на себя внимание чрезмерная зависимость многих бывших соцстран от глобальной конъюнктуры. Эта проблема проявляется в разных формах, но прежде всего в виде зависимости от цен на мировых рынках сырья, влияющих в том числе на состояние государственного бюджета как по доходным, так и по расходным статьям. Вкупе с собственной невысокой финансовой и бюджетной дисциплиной ряда стран этот фактор сыграл важную роль в их неспособности противостоять внешним шокам в 2008–2009 гг.

Столь же важную роль сыграла и высокая степень влияния иностранного капитала на экономику тех бывших соцстран, которые наиболее активно открывали свой рынок для зарубежных инвестиций. Особенно неблагоприятным оказалось воздействие иностранного капитала в его спекулятивной форме: «горячие деньги» первыми покинули рынки постсоциалистических стран, создав серьезные проблемы с ликвидностью и вынудив государства-реципиенты предпринять дорогостоящие меры, в том числе по поддержанию национальной банковской системы. В целом кризис заставил многих задуматься о том, насколько небезопасно с точки зрения интересов страны отдавать ключевые позиции в национальной экономике иностран-

ным инвесторам в обмен на повышение темпов роста ВВП.

Кроме того, кризис показал, что интеграция в глобальную экономику в случае с бывшими соцстранами не только не решает, но порой и усугубляет наследственную болезнь большинства этих государств, заключающуюся в сохранении утяжеленной и несбалансированной структуры национального хозяйства. В ходе реформ во главу угла ставился рост ВВП. При этом в расчет чаще всего брались только количественные показатели. Кризис же напомнил, что куда важнее качественное наполнение этого роста.

Многие страны, например Россия, в докризисный период сумели добиться высоких темпов роста ВВП, но не за счет создания инновационной экономики, а благодаря увеличению объемов экспорта сырья и росту мировых цен на него. Когда же в ходе кризиса цены на сырье упали, темпы прироста ВВП в РФ стали отрицательными.

Несмотря на то что исследуемые страны по-разному отреагировали на кризис, прогноз МВФ на 2010 г. для большинства из них положителен. Лишь в Венгрии ВВП в 2010 г. может уменьшиться на 0,2%. Среди наиболее оптимистичных перспективы российской (прогнозируемый рост ВВП — 4%), болгарской (3,8%) и украинской (3,7%) экономик. С другой стороны, если все-таки считать реакцию на глобальный кризис своеобразной шкалой для подведения итогов переходного периода, то наиболее успешным следует признать опыт Польши и Казахстана, которым удалось в самом трудном 2009 г. продемонстрировать рост ВВП в 1,2%. При этом корни успеха у них абсолютно разные.

Казахстан быстрым ростом экономики в 2000-е годы и неппадением ВВП в 2009 г. во многом обязан своим богатым природным ресурсам. В разные годы они

составляли более трех четвертей экспорта страны и помогли создать антикризисную подушку. Поэтому говорить о том, что устойчивость Казахстана в период кризиса обусловлена удачным проведением экономических реформ, было бы не совсем корректно. С другой стороны, Россия — тоже экспортер сырья — имела запас прочности накануне кризиса и тем не менее не сумела избежать серьезного падения ВВП. Итак, дело не только в богатых природных ресурсах, но и в том, как распоряжаются доходами от них. Вместе с тем есть еще одно обстоятельство, из-за которого опыт Казахстана вряд ли можно признать пригодным для копирования другими странами: с 1990 г. пост президента здесь занимает

один и тот же человек. Подобная ситуация в принципе неудивительна для стран СНГ, здесь она вполне может служить гарантией политической и экономической стабильности, но ее практически невозможно представить в государствах ЦВЕ.

Польша — пример истинного лидерства среди постсоциалистических стран. Здесь экономический рост наблюдается непрерывно с 1992 г. В 1995 г. в структуре экспорта Польши почти треть, а в 2007-м уже половину составляли средне- и высокотехнологичные товары. Выгодное географическое положение на стыке Европы и РФ, сохранение имевшегося в стране мощного промышленного потенциала, избиратель-

ное отношение к привлечению иностранного капитала, позволившее защитить страну в кризис от обвального бегства инвесторов, вкупе с быстрой и успешной трансформацией экономической системы предопределили построение сильной и стабильной экономики.

Вместе с тем в случае с Польшей нельзя игнорировать и важный политический подтекст: у западных партнеров изначально было особое отношение к этой стране как к буферной территории между НАТО и РФ. Не в последнюю очередь именно поэтому здесь оказался возможным избирательный режим допуска иностранных инвестиций, именно здесь как на плацдарме для завоевания рынков, расположенных дальше на восток, открывали свои производства крупнейшие западные концерны, создавая условия

для модернизации местной промышленности, здесь же дислоцировались передовые базы НАТО. Иными словами, опыт Польши по-своему уникален и может оказаться трудновоспроизводимым в условиях другой постсоциалистической страны.

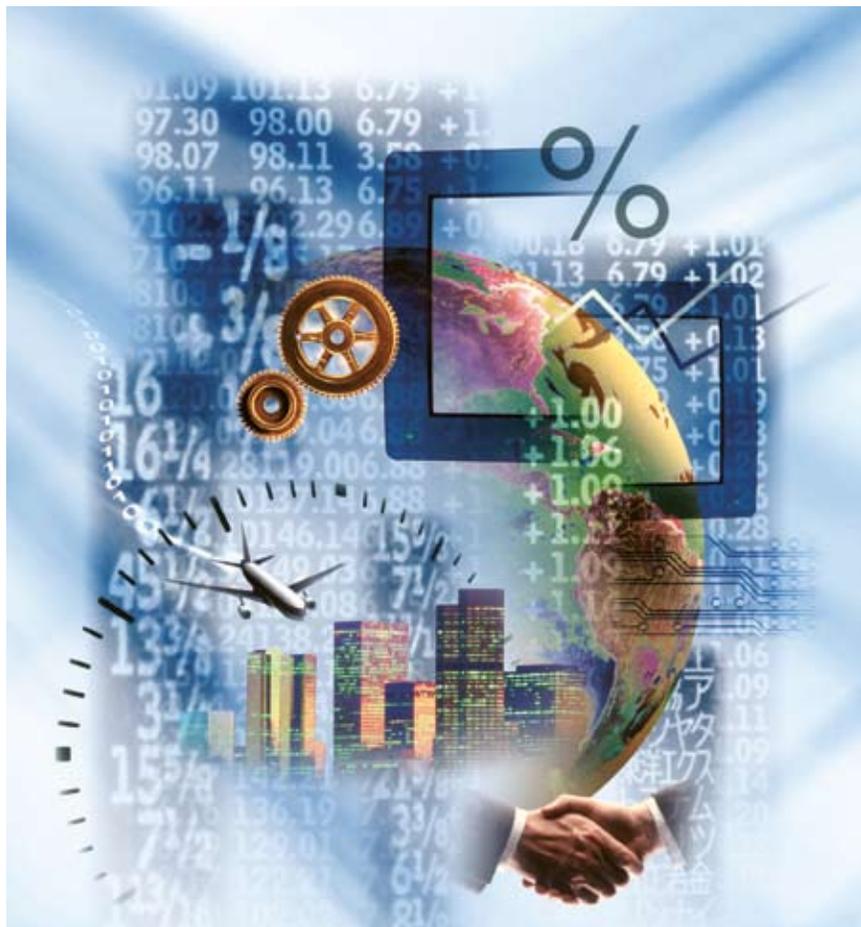
Российская экономика отреагировала на глобальный кризис падением ВВП на 7,9% в 2009 г. (по официальной версии, из-за резкого сокращения спроса на основные экспортные товары и действия внутренних факторов, в частности недостаточной диверсификации экономики), ростом безработицы до 9,2% (с последующим снижением до 6,8% в 2010 г.), ростом потребительских и промышленных цен (с их последующей стабилизацией). По состоянию на середину 2010 г. РФ характеризовалась также относительно стабильным размером внешне-

го долга и международных валютных резервов (оба показателя на уровне 470 млрд долл.). С середины 2009 г. началось восстановление экономики, продолжившееся и в 2010 г. В годовом исчислении ВВП в I квартале 2010 г. вырос на 2,9% против падения на 3,8% в IV квартале 2009 г. Динамика большинства других показателей в начале 2010 г. по отношению к 2009 г. также продемонстрировала положительные значения.

Однако эта позитивная статистика не повод для того, чтобы игнорировать те проблемы, которые в ходе кризиса стали причиной серьезного падения ВВП и заставили Правительство РФ идти на дорогостоящие меры по спасению отечественной банковской системы.

Прежде всего в ходе кризиса дала о себе знать проблема структурного дисбаланса (недостаточной диверсификации, если принимать за основу официальную формулировку) российской экономики, ее чрезмерная ориентация на добычу и экспорт сырья, падение мировых цен на которое сильно ударило по бюджету и доходам компаний. В предкризисный 2007 г. топливно-энергетический комплекс обеспечивал 29% ВВП, 48,7% бюджетных доходов и 63,8% валютных поступлений РФ — такие показатели не характерны для страны, строящей современную инновационную экономику.

Тесно связан с первой проблемой и высокий уровень монополизации российской экономики, препятствующий развитию в ней конкуренции и применению инноваций. Колебания цен в ответ на изменения в балансе спроса и предложения — это одна из основополагающих черт рыночной экономики, но в России она практически не работает. Негибкость цен, которые в РФ традиционно только растут и не снижаются, даже если аналогичные мировые показатели идут вниз, делает условия существования хозяйствую-

щих субъектов, не связанных с монополизированными отраслями, абсолютно нерыночными.

Ряд экспертов утверждают, что тем самым наша страна постепенно сокращает разрыв между внутренними и мировыми ценами, в частности на углеводородное сырье, продукты его переработки, электроэнергию и т.д. Что же тогда будет конкурентным преимуществом нашей страны на международной арене в условиях, когда современной инновационной продукции она пока производит несоразмерно мало? И как быть с тем, что выгоды от подобной догоняющей динамики цен достаются только узкому кругу и без того не бедствующим крупным компаниям, а малый и средний бизнес фиксирует на своих балансах все новые и новые потери?

Надо учитывать, что монополизация экономики вредна еще и тем, что служит одним из факторов, подпитывающих такие застарелые недуги российского государства, как всепронизывающая коррупция, раздутый бюрократический аппарат, сохранение значимой роли государства в экономике, большое количество налоговых изъятий, неправовой характер

Многие компании, чтобы остаться на плаву, просто вынуждены уводить часть своей деятельности в теневую экономику.

экономической и политической деятельности. А все эти факторы в свою очередь способствуют тому, что многие компании, чтобы остаться на плаву, просто вынуждены уводить часть своей деятельности в теневую экономику.

При всех усилиях Правительства РФ привлечь иностранных партнеров к сотрудничеству в инновационных сферах экономики инвестиционный климат в стране, в силу сохранения всех перечисленных выше негативных факторов, остается недостаточно благоприятным для тех инвесторов, которые привыкли вести дела по закону и правилам рынка. В основном участие иностранного капитала до сих пор выражается в скупке долей в перспективных сырьевых месторождениях и предприятиях ТЭКа, а вложения в обрабатывающие производства и тем более в инновации пока не соответствуют потребностям и потенциалу нашей страны. Это подтверждают и данные статисти-

ки. В России наблюдается слабый (по сравнению с другими бывшими соцстранами) приток инвестиций: в 2008 г. прямые подушевные инвестиции составили лишь 497 долл. на человека, в то время как в Болгарии — 1212, Чехии — 1040, Казахстане — 937 долл. на человека.

Но еще хуже то, что Россия не использует для инновационного развития имеющиеся у нее немалые собственные средства, хранящиеся в официальных резервах и фондах, активы которых размещаются за рубежом под весьма условный процент. В результате российской банковской система в целом остается весьма слабой, в ней есть только несколько крупных игроков, но даже им го-

сударство в ходе кризиса было вынуждено оказывать помощь, когда возникла критическая ситуация с ликвидностью.

Дефицит доступных долгосрочных финансов внутри страны также толкает наши компании к заимствованию средств за рубежом под залог акций ключевых российских предприятий. Кризис показал, что подобная практика весьма опасна: многие отечественные компании-должники были вынуждены обращаться за помощью к государству, чтобы заложенные акции стратегических российских предприятий не перешли в руки иностранных кредиторов. Иными словами, если политика изъятия «лишних денег» в условиях острой потребности экономики в модернизации и инновациях представляется просто парадоксальной, то в условиях кризиса она уже становится реальной угрозой для экономической безопасности страны. ■

ПЭС 10252/02.12.2010